DOI 10.18522/2500-3224-2021-2-42-55
УДК 930.23

КРИТИКА «РЕВОЛЮЦИИ РАБОВ» И ТЕЗИСА О СОЮЗЕ УГНЕТЕННЫХ МАСС РИМСКОЙ ИМПЕРИИ С ВАРВАРАМИ В СОВЕТСКОМ АНТИКОВЕДЕНИИ И МЕДИЕВИСТИКЕ (по материалам В.Т. Сиротенко)

Волошин Дмитрий Андреевич
Армавирский государственный педагогический университет,
Армавир, Россия
voloschindim@mail.ru

Аннотация. На современном этапе в осмыслении историографического феномена «теория революции рабов» обозначились темы, высказывания по которым отличаются кардинально. Речь идет о выявлении круга исследователей, чьи усилия окончательно вывели «теорию революции рабов» из актуальной исследовательской повестки. Еще одна непроясненная тема заключена в вариативности попыток ответа на вопрос о причинах столь долгого присутствия отдельных элементов «революции рабов» в отечественной научной и учебной литературе. Цель статьи заключается в сопоставительном изучении взглядов на проблему отечественных антиковедов и медиевистов, в первую очередь В.Т. Сиротенко (с которым автор имел опыт общения на предмет источнико-историографических проблем «теории революции рабов»). Применение базовых положений и принципов, необходимых при изучении исторической науки, дополнено антропологическим ракурсом рассмотрения темы «революции рабов» в качестве персонифицированной историографической проблемы. На отдельное рассмотрение вынесен вопрос, касающийся причин длительного сохранения в историографической традиции отдельных элементов «теории революции рабов». В этой связи определены роль и диспозиция взглядов медиевиста В.Т. Сиротенко в отношении как самой «революции рабов», так и фундирующей ее идеи союза рабов и варваров.

Ключевые слова: антиковедение, варвары, историческая концепция, медиевистика, Римская империя, рабы, сталинизм в исторической науке, «теория революции рабов».

Цитирование: Волошин Д.А. Критика «революции рабов» и тезиса о союзе угнетенных масс Римской империи с варварами в советском антиковедении и медиевистике (по материалам В.Т. Сиротенко) // Новое прошлое / The New Past. 2021. № 2. С. 42–55. DOI 10.18522/2500-3224-2021-2-42-55 / Voloshin D.A. Criticism of the “Revolution of Slaves” and the Thesis of the Union of the Oppressed Masses of the Roman Empire and the Barbarians According to Soviet Antiquarians and Medievalists (according to the materials of V.T. Sirotenko), in Novoe Proshloe / The New Past. 2021. No. 2. Pp. 42–55. DOI 10.18522/2500-3224-2021-2-42–55.

© Волошин Д.А., 2021

CRITICISM OF THE "REVOLUTION OF SLAVES" AND THE THESIS OF THE UNION OF THE OPPRESSED MASSES OF THE ROMAN EMPIRE AND THE BARBARIANS ACCORDING TO SOVIET ANTIQUARIANS AND MEDIEVALISTS (according to the materials of V.T. Sirotenko)

Voloshin Dmitry A.
Armavir State Pedagogical University,
Armavir, Russia
voloschindim@mail.ru

Abstract. Taking into consideration the comprehension of the historiographic phenomenon of the "theory of the slave revolution", the modern statements have come to the light that have completely different opinions on the subject. It involves identifying the circle of researchers whose efforts have finally taken the "theory of the slave revolution" out of the current research agenda. Another obscure topic consists of the variety of attempts used to determine why the presence of certain elements of the "slave revolution" continued in domestic scientific and educational literature. The purpose of the article relates to comparative study perspectives of the issues of Russian antiquities and medievalists — primarily, V.T. Sirotenko (with whom the author had a privilege to discuss the issue of source-historiographic predicaments of the "theory of slave revolution"). The application of the fundamental regulations and principles necessary when examining the historical science complemented by an anthropological perspective of considering the topic of the "slave revolution» as an embodied historiographic problem. A separate consideration was put forward on the reasons for the long-term preservation of certain elements of the "theory of the slave revolution" in the historiographical tradition. The article also defines the role and disposition of the views of the medievalist V.T. Sirotenko in relation to both the "slave revolution" itself and the underlying idea of the union of slaves and barbarians.

Keywords: Classics, barbarians, historical concept, Medieval studies, The Roman Empire, slaves, Stalinism in historical science, "theory of the slave revolution".

На историков термин «революция» всегда оказывал двоякое, отталкивающе-притягательное действие. С одной стороны, едва ли найдется другое понятие, столь отягощенное идеологической деструкцией и фактором политического прессинга. В то же время стремление «революционизировать» тот или иной исторический отрезок, придать ему динамики и значимости реализовывалось в исторических нарративах многократно и по самым различным поводам. В области древнеримской истории здесь на первый план выходит период трансформации республиканской формы правления в имперскую организацию. Исследователи правомерно ставят и, каждый по-своему, пытаются решить проблему «революционности» данного исторического перехода, вскрывают его динамику и суть.

Но в отечественной науке существует совершенно иной пример вплетения «революционного вопроса» в ткань древнеримской истории. Речь идет о пресловутой сталинской «теории революции рабов», определившей на десятилетия норматив знаниям о другом историческом переходе — падении Римской империи и начале средневековья.

Историографический феномен, известный как «теория революции рабов», в последнее время все чаще оказывается в фокусе внимания различных исследователей. В итоге на современном этапе контрастно выявились как аспекты темы, изученные в достаточной мере, так и сюжеты, обнаружившие существенные расхождения в собственной интерпретации.

Формат статьи определил круг и специфику задействованных источников. Помимо материалов историографического плана приведены источники личного происхождения — в частности, воспоминания В.Т. Сиротенко, содержание его бесед на тему сталинской «теории революции рабов» с автором статьи в период 2001–2006 гг. Эти свидетельства, в большинстве своем неизданные, дополнены опубликованными воспоминаниями И.Е. Ивонина, текстами эпистолярного характера (переписка М.Я. Сюзюмова и О.Л. Вайнштейна).

Реализация поставленных целей подразумевает применение ключевых базовых положений и принципов, применяемых к истории изучения исторической науки. В рамках статьи, выполненной в соответствии с логикой проблемного подхода, важную роль приобрели возможности метода классификации («разбиение» единого феномена «революции рабов» посредством группировки проблем по тем или иным признакам). Сегментирование «теории революции рабов» выступает одновременно как оптимальное средство систематизации конкретных данных об изучаемом историографическом феномене.

Антропологический ракурс рассмотрения проблемы подразумевает учет так называемой «субъективной сферы», которая оказала непосредственное влияние на конечный результат исследования. Речь идет о характеристиках личности историка (в первую очередь — В.Т. Сиротенко), во многом определивших отношение к теме исследования и персонам, с ней соотносимыми. В равной степени и

наоборот — если говорить об отношении научного сообщества к конкретному исследователю и его идеям.

Исследовательский запрос на «теорию революции рабов» остается достаточно высоким. К данной проблеме в свое время обращался Д.В. Малашкин (статья «Как отмирала “теория революции рабов”»), подчеркивавший длительность отхода от данной одиозной схемы и отмечавший наличие ее элементов в изданиях современного периода [Малашкин, 2005, с. 69]; в формате ряда научных статей (например, «“Революция рабов“ в советской историографии 30-х гг. XX века» и др.) и в соответствующих разделах монографических исследований — С.Б. Крих. С учетом специфики затрагиваемых проблем считаем необходимым указать на такую статью, как «“Революция рабов” — краткая история мифа» (Е.Г. Рабинович), являющую собой попытку изучения «революции рабов» не в историографическом ключе, а в качестве мифа. Для решения данной задачи автор задействовал филологический метод анализа текстов, которые «не получали адекватной интерпретации» [Рабинович, 2019, с. 1098] или не привлекались в этом контексте ранее.

А.В. Шарова в статье «“Революция рабов” в учебных изданиях Е.А. Косминского 1930–1950-х гг.» обращается к теме «революции рабов» в аспекте, представляющем для нас первостепенный интерес. Речь идет о советских медиевистах и эволюции их представлений о «революции рабов» как форме перехода от античности к средневековью. Сталинский тезис 1933 г., по замечанию автора, стал для медиевистов настоящим «интеллектуально-политическим барьером, который пришлось “брать с разбега”» [Шарова, 2017, с. 422]. Автор убедительно показывает, каким образом изначальная сталинская схема «революции рабов» «видоизменилась даже в учебной литературе, не выдержав проверкой научного подхода к изучению процессов эпохи» [Шарова, 2017, с. 441]; выводит основные черты концепции «революции рабов», на которые ориентировались медиевисты долгие годы.

В своем типовом изложении ситуация с теорией революции рабов выглядит следующим образом: в период 1933–1934 гг. по различным поводам И.В. Сталин допустил высказывания, касающиеся известной фундаментальной проблемы мировой истории: «Революция рабов ликвидировала рабов и уничтожила рабовладельческую форму эксплуатации» и «вышло то, что не-римляне, т.е. все “варвары”, объединились против общего врага и с громом опрокинули Рим». Мотивы Вождя доподлинно неизвестны (понятиями, в разной степени коррелирующими с тезисами 1933–1934 гг., он оперировал и ранее), никакой конкретизации в виде комментариев от оратора не последовало. Иосиф Виссарионович дистанцировался от проблемы и более не утруждался «антиковедными штудиями»; научное же сообщество имело основания предполагать, что Вождь взял угрожающую паузу. После непродолжительного замешательства работа в нужном направлении была начата, однако прорывного эффекта добиться не удалось. Сталинские тезисы в части работ и вовсе выполнили скорее декоративную функцию, дополнив обязательные, подходящие к случаю цитаты «Классиков». Результатом

интеграции «сталинского открытия» в историческую фактуру явились очевидные несостыковки. Сочетанное действие данного фактора и невозможности отказа от исследовательской задачи вызвали структурное усложнение «теории революции рабов», от которой, впрочем, начали отказываться уже с конца 40-х–в 50-е гг. XX в.

Ключевые положения данной теории уже достаточно изучены и интерпретированы. Задача выявления работ, отличившихся своей апологетикой революции рабов, тех трудов, которые по праву можно признать «драйверами» ее развития, по естественным причинам уже далеко за пределами актуальной повестки. В равной степени это может относиться и к аспекту персоналий — по крайней мере, в аспекте выявления круга исследователей, выступивших активными идейными сторонниками и апологетами «теории революции рабов».

Совершенно иная ситуация вырисовывается, если обратиться не к проблемам возникновения (и развития) данной теории, а к теме ее преодоления. При ближайшем рассмотрении обнаруживаются мнения и персоналии, в разной степени обойденные вниманием исследователей или ставшие камнем преткновения ввиду кардинального расхождения точек зрения на их роль в этом процессе.

Если вопрос о точке отсчета и условном вычленении основных этапов эволюции «теории» в современной исторической науке разрешается без особых противоречий, то вопрос о времени ее преодоления — наоборот, подразумевает несколько вариантов своего разрешения. Оставив в стороне версии, оперирующие десятилетиями, а не конкретными датами (напр., вторая половина 40-х–50-е гг. XX в., конец 40-х–вторая половина 50-х гг. XX в.), приведем несколько конкретных вариантов в их попытках ответа на вопрос «Кто и когда»?

Одной из самых «ранних» кандидатур, связанных с «теорией революции рабов» в аспекте ее преодоления, является В.С. Сергеев. Данному варианту соответствует 1938 г., ознаменованный выходом работы В.С. Сергеева «Очерки по истории Древнего Рима», в которой «революция рабов» была проигнорирована — ввиду недостаточной изученности [Сергеев, 1938, с. 761]. В таком ракурсе сам факт дистанцирования автора от темы свидетельствует, конечно, не о научном ее опровержении, — но четко фиксирует некую точку невозврата, переломный момент публично демонстрируемых сомнений в ее состоятельности.

Согласно другой точке зрения, эпоха «теории революции рабов» закончилась в 1949 г. Так, В.В. Рязанов окончательный отказ от теории «революции рабов» ставит в заслугу известному советскому антиковеду Н.А. Машкину [Рязанов, 2001, с. 21–34].

Однако в оценке даты конца 40-х–начала 50-х гг. XX в. как времени окончательного преодоления данной интерпретационной девиации, возможно, будет показателен сам факт появления статьи «Методологическое значение высказываний И.В. Сталина о революции рабов для советского византиноведения», датируемой

1950 г. [Методологическое значение…, 1950, с. 3–17]. По итогам ее прочтения складывается абсолютное ощущение, что «революция рабов» скорее вышла на некие новые рубежи покорения исторической фактуры, нежели была фатально дискредитирована.

Качественно новый этап отторжения «революции рабов» последовал за XX съездом КПСС, когда сложились благоприятные условия в виде официального осуждения авторитаризма и догматизма в науке. В результате миф о «революции рабов» был отброшен [Неронова, 1992, с. 92], а эпоха «оттепели» стала временем, когда эти взгляды, раскритикованные в работах А.Р. Корсунского, К.М. Колобовой, Е.М. Штаерман, С.Л. Утченко, «казалось бы, навсегда канули в Лету» [Чернышов, 1995, с. 157]. Однако автор тут же оговаривается, что окончательного преодоления еще не произошло.

Насколько и в каком объеме в период «оттепели» был осуществлен отход от догматизма в отечественной исторической науке? Данный вопрос ввиду сложности уже сам по себе заслуживает отдельного рассмотрения. В нашем конкретном случае заметим: считается, что именно с этого момента критика «революции рабов» становится более категоричной и обстоятельной. В последующие годы (десятилетия) появляется целая плеяда историков (наподобие того же В.Т. Сиротенко), однако их критический настрой рассматривается подчас как свидетельство наступивших послаблений, нежели как принципиальная авторская позиция.

Фактически после XX съезда коллективный советский исследователь темы получил своего рода «гарантии безопасности», что не замедлило сказаться на познавательной ситуации позитивным образом. И в этом отношении картина вырисовывается достаточно показательная. Напомним: утверждение концепции «революции рабов» в свое время проходило без политического прессинга или прямых директивных указаний — это было скорее интуитивное движение историков в предполагаемо верном направлении и в ситуации тяжелой политической атмосферы. По истечении времени выход из исследовательского лабиринта, связанного с «теорией революции рабов», стал возможен лишь в условиях внимания (пусть даже касательного), проявленного со стороны власти.

В соответствии с вышеизложенным вторая половина 50-х гг. XX в. стала временем выхода работ и появления в их рамках категоричных высказываний, «цезурировавших» тенденцию дальнейшего существования «революции рабов». В этой связи предлагается обратить внимание на 1956 г., когда Н.В. Пигулевская заявила, что понятие «революция рабов» «следует признать бессодержательным» [Струве, Пигулевская, 1956, с. 192].

Еще одна дата — 1957 г., хоть и деперсонифицирована (речь идет о редакционной статье), но значима. В «Вестнике древней истории» публикуется текст «За глубокое овладение теоретическим наследием Ленина», в рамках которого

«революция рабов» получает свою долю критики как теория, фактами не подкрепленная [За глубокое овладение…, 1957, с. 3–16].

К наиболее поздним вариантам относятся 1960-е гг., когда последняя точка в споре вокруг «революции рабов» была поставлена С.Л. Утченко [Казаров, 2011, с. 6–9]. В подтверждение своего тезиса С.С. Казаров обращается к работе «Древний Рим. События. Люди. Идеи» С.Л. Утченко и обращает внимание на принципиальные замечания последнего. Речь идет о преувеличении революционной сознательности рабов, а также ошибочном представлении об италийском крестьянстве как союзнике рабов. Эти распространенные в советской науке взгляды, по мнению С.Л. Утченко, расходились с фактологическим материалом, а линии классовой борьбы следует развести по причине того, что такой союз «…всегда мог быть лишь союзом всадника с лошадью» [Утченко, 1969, с. 29].

Схожая позиция С.Л. Утченко обозначена в уже упоминавшейся статье Д.В. Малашкина, который обращается к труду Утченко 1965 г. и пишет, что ее автор «решительным образом отвергал теорию «революции рабов» [Утченко, 1965, с. 29–31, 154–155] — и таким образом подвел итог ее критике [Малашкин, 2005, с. 68].

Таким образом, к настоящему времени мы сталкиваемся с достаточно противоречивой ситуацией: с одной стороны, вполне четко очерчен круг авторов, в своих работах выступивших против «революции рабов», с другой — существует тезис о недостаточной преодоленности этой теории во временной отрезок, синхронный деятельности вышеперечисленных историков. Следует признать, сложность и запутанность аспекта персоналий подчас способна актуализировать рассмотрение проблемы и в «деперсонифицированном» ключе; по крайней мере, в структурном отношении данный подход может выглядеть менее противоречивым и уязвимым для возможной критики. Однако, возвращаясь к датам и стоящим за ними персоналиям, следует констатировать: в ситуации с определением круга лиц, чьи научные усилия положили начало изживанию и преодолению «революции рабов», единства взглядов нет, что вполне ожидаемо. Бесспорно одно: «теорию революции рабов» демонтировало некоторое количество активных исследователей (впрочем, процесс ее утверждения также не был заслугой единиц).

В массе своей представленные персоналии относимы к лагерю антиковедов, однако медиевистская линия в научном оформлении «теории революции рабов», а главное — в ее преодолении, никоим образом не должна быть проигнорирована. Советская медиевистика в ее соприкосновении с рассматриваемой «теорией» представляет отдельный интерес, так как располагала диапазоном интерпретационного маневра более широким, нежели наука об античности. Но подобная ситуация, будучи персонифицированной, оказывается сопряжена и с некоторыми проблемами.

В современных исследованиях о взглядах медиевиста В.Т. Сиротенко порой высказываются мнения, дистанцирующие его от данной проблемы — и Василий Трофимович предстает как исследователь, предпринимавший усилия в совершенно неактуальном направлении, в образе борца с историографическими призраками. В этой связи уместно указать на очевидный факт: к антагонистам Сиротенко следует относить не Вождя народов и его тезисы, а тех историков, которые активно реализовывали теорию «революции рабов». Всю тяжесть ответственности за утверждение антинаучной мифологемы он возлагал не на «фактор Сталина», а на конкретных исполнителей, которые неверно истолковали его слова и неуклюже попытались решить двуединую задачу — соединить популярные идеи Н.Д. Фюстель де Куланжа с прозвучавшими «новыми вводными».

«Теория революции рабов» как историографический феномен была сложноструктурированным массивом — и многие ее слагаемые ко времени активной научной деятельности Сиротенко не были изжиты. Так, в недавно опубликованной статье А.Г. Венгера, посвященной воспоминаниям Ю.Е. Ивонина о В.Т. Сиротенко, особо отмечено одно обстоятельство, сыгравшее, возможно, решающую роль в его (Василия Трофимовича) «злоключениях». «В 1966 г. в Москве состоялась крупная научная конференция, на которой с докладом программного характера выступил Сиротенко. Он подверг критике распространенную у нас тогда тенденцию в духе социальной революции видеть одну из главных причин падения Римской империи в союзе рабов и варваров-германцев» [Венгер, 2019, с. 123]. Этим Василий Трофимович задел самолюбие московских историков, обвинив последних в симпатиях к фактическому перенятию идей Н.Д. Фюстель де Куланжа и А. Допша. «Особенно разозлился профессор МГУ А.Г. Бокщанин, заявивший, что он лично приедет в Пермь на защиту диссертации Сиротенко» [Венгер, 2019, с. 123]. Сам Сиротенко, вспоминая эти события, любил приводить слова одного из участников конференции, адресованные ему и прозвучавшие перед самым ее началом: «Поговаривают, Василий Трофимович, Вы привезли нам настоящую “бомбу”?»

Что касается диссертации, защита которой состоялась немногим позже описываемых событий, то именно в ней В.Т. Сиротенко удалось собрать фундаментальный источниковый материал, многократно перекрывающий собой все аргументы сторонников «революции рабов», а также более поздних апологетов идеи союза рабов, колонов и варваров.

Следующим неоднозначным аспектом интерпретации «теории революции рабов» может быть выявление причин ее живучести и объяснение фактов наличия ее элементов даже в работах, написанных явно не под влиянием историографического наследия суровых 30-х гг. XX в. Если в преодолении «революции рабов» отсутствует сколь-нибудь значимая интрига, то почему мы имеем дело с таким количеством претендентов на ее разоблачение и как быть с определением статуса историков, которые работали в этом направлении не в очевидный период конца 40–50-х гг. XX в., а несколько позже?

По нашему субъективному мнению, ответ на данный вопрос невозможен без соотнесения «революции рабов» и идеи союза рабов и варваров. И в этом случае обращение к материалам В.Т. Сиротенко представляется как минимум не лишним. Как упоминалось выше, данный исследователь вину за появление «революции рабов» возлагал на советских ученых и специфику познавательной ситуации. Не подкрепленные данными исторических источников тезисы Н.Д. Фюстель де Куланжа о союзе рабов и варваров подкупали советских исследователей своей простотой и доходчивостью, что привело к подмене исторического факта историографическим [Сиротенко, 1968, с. 181, 195, 196]. Самым ярким таким примером для Сиротенко были строки из автореферата диссертационного исследования А.Д. Дмитрева «Социальные движения в Римской империи в связи с вторжением туда варваров», дублировавшие (и в смысловом и даже в стилистическом отношении) положения концепции Н.Д. Фюстель де Куланжа. И в том и другом случае речь шла о безоговорочной поддержке варваров со стороны рабов, туземных жителей и всякого рода недовольных и страдающих элементов.

Единство устремлений обездоленного населения и вторгавшихся варварских элементов — данный тезис при первичном приближении не кажется таким уж нелогичным. По крайней мере, представить подобное не сложнее, чем ситуацию, при которой угнетенные заслоняют своими иссеченными плетьми спинами собственных угнетателей. И В.Т. Сиротенко подходил к изучению данного вопроса без каких-либо предустановок. В своих беседах с автором статьи он не раз заявлял, что обратная «теории революции рабов» картина союза угнетенных масс и варваров стала вырисовываться по мере освоения им доступного массива исторических источников. В итоге аргументация Сиротенко оказалась сведена к следующим пунктам, отрицавшим даже гипотетическую возможность такого союза: а) ни рядовые варвары, ни их предводители никогда не провозглашали намерений освобождения рабов; б) для варваров практика порабощения свободных римлян являлась обычным промыслом и средством обогащения; в) в варварской среде работорговля считалась достаточно престижным занятием, от которого отказываться никто не собирался; г) даже рядовые варварские воины предпочитали поручать работу рабам и ценили их лишь как рабочую силу [Волошин, 2020, с. 94].

В.Т. Сиротенко следующим образом описывал формат взаимодействия местного населения и варваров: грабители опустошали поселения, отбирали скот и иное имущество, а аборигенное население пленили. С учетом распространенности подобных практик, по Сиротенко, местные жители при всем желании не могли рассматривать варваров в качестве своих союзников и освободителей от римского гнета. Подобные иллюзии встречались крайне редко в IV–V вв. среди угнетенных масс [прив. по: Волошин, 2017, с. 82]; соглашательство было уделом, скорее, представителей римской верхушки.

В трактовке В.Т. Сиротенко, данные о враждебном настрое местных жителей по отношению к варварам, выразившиеся в вооруженном сопротивлении, попросту «растворяют» фрагментарные упоминания противоположного свойства, сводя их

значимость на нет. Естественно, раздавались авторитетные голоса, категорически не разделявшие подобной трактовки, однако были и сторонники, к которым можно отнести М.Я. Сюзюмова. В письме О.Л. Вайнштейну (датируемом 31.07.1968 г.) он не соглашается с обвинениями Василия Трофимовича — в том, что последний игнорировал данные источников. Признавая, что факты предательства римлян имели место, Сюзюмов замечает, что фактов обратного порядка в источниках гораздо больше. Далее автор письма ставит кардинальный вопрос: «В источниках есть ли факты, как осуществляли этот мифический “союз” сами варвары? Кроме геноцида ничего массам не приносили» [Клюев, Свешников, 2014, с. 447].

Что касается минимальной представленности данных о союзе рабов и варваров в исторических источниках, Василий Трофимович в личных беседах многократно отмечал возмущавший его аргументационный прием, к которому прибегали его оппоненты. Просьба прокомментировать обилие данных противоположного характера могла натолкнуться на тезис следующего содержания: «Античных авторов интересовало лишь то, что было нетипично, экстраординарно. Поэтому они и записывали данные факты противодействия рабов варварам как нечто совершенно удивительное» [подр. об этом см.: Волошин, 2018, с. 69].

Однако абсурдность распространенного в историографии тезиса о якобы существовавшем союзе между местным населением и варварами не обрушила его привлекательности. Причина видится в амбивалентности трактовки темы действий внутреннего и внешнего врага как таковой. Применительно к Риму речь может идти о допущении действий варваров и «аборигенов» заодно, но с разными целями. На другом интерпретационном полюсе — ситуация безысходного выбора, когда предпочтение было отдано борьбе в бóльшей степени «против варваров», нежели «за римское государство». Варвары для местного населения стали олицетворением карательной функции, обрели «устойчивую ассоциативную связь с принуждением, грабежом, разорением и насилием» [Волошин, 2020, с. 96]. На практике выбор между «плохим» и «еще худшим» выразился именно в той поведенческой реакции местного сельского населения или жителей городов, которая была зафиксирована в массе источников.

Таким образом, поиски ответа на вопрос «Кто и когда преодолел “теорию революции рабов”» закономерно приводят к фактам, заставляющим усомниться в ее полном научном разгроме. Однако более четкое очерчивание круга исследователей, приложивших усилия в данном направлении, представляется своевременной и справедливой исследовательской задачей. Аспект персоналий, ввиду обилия оценочных суждений, всегда относился к области болевых точек историографии. Вопреки кажущейся очевидности, он представляется наиболее противоречивым и непроясненным; в его рамках сосуществуют взаимоисключающие интерпретационные позиции — как в отношении конкретных дат ее преодоления, так и в вопросе выбора персоналий, претендующих на статус ее «победителя».

В разное время и в разных контекстах к числу борцов со сталинской теорией относили В.С. Сергеева, Н.А. Машкина, А.Р. Корсунского, К.М. Колобову, Е.М. Штаерман,

Н.В. Пигулевскую и, конечно же, — С.Л. Утченко (лидера по числу упоминаний в материалах, оказавшихся нам доступными). Перечисленные авторы не идентичны в своих методах (вернее, форме) противодействия «теории революции рабов», той значимости, которую она составляла в общем массиве их научной деятельности, последовательности, с которой они к ней обращались. Как видно, голоса против данного проявления сталинизма в исторической науке раздавались не только в очевидный период пятидесятых, но и в последующее десятилетие. В.Т. Сиротенко в этом ряду занимает место особое: в своем диссертационном исследовании конца 1960-х гг. он критически осмыслил базовые положения данной теории, на аргументированной основе доказав, как в отечественном антиковедении произошла подмена исторического факта историографическим.

Исторический переход, в котором обреталась «теория революции рабов» — нем. Zwieschenzeit — межвременье, принадлежащее сразу двум эпохам. А потому помещение «теории революции рабов» в фокус познавательной ситуации не только антиковедов, но и медиевистов — могло бы открыть новые грани в изучении данного историографического феномена. Однако эта вполне решаемая в теории исследовательская задача требует аккумулирования значительного количества материала, в том числе и источников личного происхождения, не введенных в научный оборот или представленных фрагментарно.

Нежелание «революции рабов» уступать свои позиции столь длительное время может быть объяснено устойчивостью фундирующего ее тезиса-долгожителя о союзе эксплуатируемых масс и варваров. Этот тезис восходит к вечной теме вектора действий внешних и внутренних врагов государства, апеллирует к сложной и подчас непредсказуемой механике коллаборативных практик с врагом.

В вопросе научного опровержения идеи союза рабов и варваров научные заслуги медиевиста В.Т. Сиротенко очевидны. Именно в его трехтомном диссертационном исследовании и учебных пособиях эта тема получила свое наиболее последовательное и скрупулезное разоблачение; собранная историком источниковая база позволила говорить об абсурдности идеи такого союза даже на гипотетическом уровне.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Венгер А.Г. Штрихи до портрета дніпропетровських «всесвітників»: медієвіст В.Т. Сиротенко у спогадах професора Ю.Є. Івоніна // *Сучасні дослідження з німецкої історії*. 2019. С. 120–125.

Волошин Д.А. «Враг у ворот»: о специфике отношения угнетенных масс к внешнему агрессору (по материалам В.Т. Сиротенко) // *Образ Родины: содержание, формирование, актуализация: Материалы IV Международной научной конференции*, Москва, 18 сентября 2020 г. М.: МХПИ, 2020. С. 92–96.

Волошин Д.А. В.Т. Сиротенко о причинах негативного отношения угнетенных масс Римской империи к варварам // *Традиционные общества: неизвестное прошлое: материалы XIII Междунар. науч.-практ. конф.*, 19–20 апреля 2017 г., г. Челябинск / редколл. Д.В. Чарыков, О.Д. Бугас, И.А. Толчев. Челябинск: Изд-во Юж.-Урал. гос. гуман.-пед. ун-та, 2017. С. 80–87.

Волошин Д.А. Тезис о союзе угнетенных масс Римской империи с варварами в свете данных исторических источников (к изучению научного метода В.Т. Сиротенко) // *История. Историки. Источники.* 2018. № 2. С. 60–71.

За глубокое овладение теоретическим наследием Ленина (от редакции) // *Вестник древней истории*. 1957. № 1. С. 3–16.

Казаров С.С. А.Д. Дмитрев, В.Т. Сиротенко и тезис о революции рабов в отечественной историографии // *II Сиротенковские чтения: сборник материалов Международной научной конференции*. Армавир: РИЦ АГПА, 2011. С. 6–9.

Малашкин Д.В. Как «отмирала» теория «революции рабов» // *Власть, политика и идеология в истории Европы: сборник научных статей, посвященный 30-летию кафедры ВИМО АлтГУ* / под ред. Ю.Г. Чернышова. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. С. 65–69.

Методологическое значение высказываний И.В. Сталина о революции рабов для советского византиноведения // *Византийский временник*. 1950. Т. III. С. 3–17.

Неронова В.Д. Формы эксплуатации в древнем мире в зеркале советской историографии. Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 1992. 312 с.

Рабинович Е.Г. «Революция рабов» — краткая история мифа // *Индоевропейское языкознание и классическая филология*. 2018. № 22–2. С. 1098–1131.

Рязанов В.В. Историография об участии рабов в движении Секста Помпея в 43–36 гг. до н.э. // *Новик: сборник научных работ аспирантов и студентов Исторического факультета Воронежского государственного университета* / науч. ред. А.И. Филюшкин. Воронеж: ВГУ, 2001. Вып. 4. С. 21–34.

Сергеев В.С. Очерки по истории Древнего Рима: учебное пособие для исторических факультетов. М.: Соцэкгиз, 1938. Ч. 2. 829 с.

Сиротенко В.Т. Международные отношения в Европе второй половины IV–начала VI в.: дис. … д.и.н. В 3 т. Пермь, 1968. Т. 1. 425 с.

Струве В.В., Пигулевская Н. В. Проблема кризиса рабовладельческого строя и генезиса феодализма // *Вопросы истории*. 1956. № 9. С. 191–195.

Утченко С.Л. Кризис и падение Римской республики. М.: Наука, 1965. 281 с.

Шарова А.В. «Революция рабов» в учебных изданиях Е.А. Косминского 1930–1950-х гг. // *Scripta antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры*. 2017. Т. 6. С. 421–450.

Чернышов Ю.Г. «Кто был ничем, тот станет всем» (к вопросу об идеологии восстаний рабов во II–I вв. до н.э.) // *Античный полис: проблемы социально-политической организации и идеологии античного общества: межвузовский сборник*. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1995. С. 155–166.

REFERENCES

Venher A.H. Shtrykhy do portreta dnipropetrovskykh "vsesvitnykiv": mediievist V.T. Syrotenko u spohadakh profesora Yu.Ye. Ivonina [Touches to the portrait of Dnepropetrovsk "worlds": medievalist V.T. Sirotenko in the memoirs of Professor Yu.E. Ivonin], in *Suchasni doslidzhennia z nimetskoi istorii*. 2019. Pp. 120–125 (in Ukrainian; in Russian).

Voloshin D.A. "Vrag u vorot": o spetsifike otnosheniya ugnetennykh mass k vneshnemu agressoru (po materialam V.T. Sirotenko) ["The enemy at the gates": the specific attitude of the oppressed masses to the external aggressor (According to the materials of V.T. Sirotenko)], in *Obraz Rodiny: soderzhanie, formirovanie, aktualizatsiya: Materialy IV Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Moskva 18 sentyabrya 2020 g.* [Image of the Motherland: content, formation, actualization: Materials of the IV International Scientific Conference, Moscow, September 18, 2020]. Moscow: MKHPI, 2020. Pp. 92–96 (in Russian).

Voloshin D.A. V.T. Sirotenko o prichinakh negativnogo otnosheniya ugnetennykh mass Rimskoi imperii k varvaram [V.T. Sirotenko about the reasons for the resistance of the oppressed masses of the Roman Empire to barbarians], in *Traditsionnye obshchestva: neizvestnoe proshloe: materialy XIII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., 19–20 aprelya 2017 g., g. Chelyabinsk* [Traditional societies: an unknown past: materials of the XIII Intern. scientific-practical Conf., April 19–20, 2017, Chelyabinsk]. Ed. D.V. Charykov, O.D. Bugas, I.A. Tolchev. Chelyabinsk: Izd-vo Yuzh.-Ural. gos. guman.-ped. un-ta, 2017. Pp. 80–87 (in Russian).

Voloshin D.A. Tezis o soyuze ugnetennykh mass Rimskoi imperii s varvarami v svete dannykh istoricheskikh istochnikov (k izucheniyu nauchnogo metoda V.T. Sirotenko) [The notion of the alliance of the oppressed masses of the Roman Empire with the barbarians in the light of the historical sources (to the study of the scientific method of V.T. Sirotenko)], in *Istoriya. Istoriki. Istochniki.* 2018. No. 2. Pp. 60–71 (in Russian).

Za glubokoe ovladenie teoreticheskim naslediem Lenina (ot redaktsii) [Mastering of Lenin's theoretical heritage (from the editorial office)], in *Vestnik drevnei istorii*. 1957. No. 1. Pp. 3–16 (in Russian).

Kazarov S.S. A.D. Dmitrev, V.T. Sirotenko i tezis o revolyutsii rabov v otechestvennoi istoriografii [A.D. Dmitrev, V.T. Sirotenko and the thesis about the slave revolution in Russian historiography], in *II Sirotenkovskie chteniya: sbornik materialov Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [II Sirotenkov readings: collection of materials of the International Scientific Conference]. Armavir: RITS AGPA, 2011. Pp. 6–9 (in Russian).

Malashkin D.V. Kak "otmirala" teoriya "revolyutsii rabov" [How the theory "of the slave revolution" diedout], in *Vlast', politika i ideologiya v istorii Evropy: sbornik nauchnykh statei, posvyashchennyi 30-letiyu kafedry VIMO AITGU* [Power, politics and ideology in the history of Europe: a collection of scientific articles dedicated to the 30th anniversary of the VIMO department of Altai State University]. Ed. by Yu.G. Chernyshov. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2005. Pp. 65–69 (in Russian).

Metodologicheskoe znachenie vyskazyvanii I.V. Stalina o revolyutsii rabov dlya sovetskogo vizantinovedeniya [Methodological significance of I.V. Stalin's statements about the slave revolution for Soviet Byzantine studies], in *Vizantiiskii vremennik*. 1950. T. III. Pp. 3–17 (in Russian).

Neronova V.D. *Formy ehkspluatatsii v drevnem mire v zerkale sovetskoi istoriografii* [Forms of exploitation in the ancient world in the mirror of Soviet historiography]. Perm': Izd-vo Permskogo un-ta,1992. 312 p. (in Russian).

Rabinovich E.G. "Revolyutsiya rabov" — kratkaya istoriya mifa ["The Slave Revolution" — A Brief History of the Myth], in *Indoevropeiskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya.* 2018. No. 22–2. Pp. 1098–1131 (in Russian).

Ryazanov V.V. Istoriografiya ob uchastii rabov v dvizhenii Seksta Pompeya v 43–36 gg. Do n.eh. [Historiography on the participation of slaves in the Sextus Pompey movement in 43–36 BC], in *Novik: sbornik nauchnykh rabot aspirantov i studentov Istoricheskogo fakul'teta Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta* [Novik: collection of scientific works of graduate students and students of the Faculty of History of Voronezh State University]. Nauch. red. A.I. Filyushkin. Voronezh: VGU, 2001. Is. 4. Pp. 21–34 (in Russian).

Sergeev V.S. *Ocherki po istorii Drevnego Rima* [Essays on the history of The Ancient Rome]: uchebnoe posobie dlya istoricheskikh fakul'tetov. M.: Sotsehkgiz, 1938. Part 2. 829 p. (in Russian).

Sirotenko V.T. *Mezhdunarodnye otnosheniya v Evrope vtoroi poloviny IV–nachala VI v.* [International relations in Europe in the second half of the 4th–early 6th century]: dis. … d.i.n. V 3-kh t. Perm', 1968. T. 1. 425 p. (in Russian).

Struve V.V., Pigulevskaya N.V. Problema krizisa rabovladel'cheskogo stroya i genezisa feodalizma [The problem of the crisis of the slave system and the genesis of feudalism], in *Voprosy istorii*. 1956. No. 9. Pp. 191–195 (in Russian).

Utchenko S.L. *Krizis i padenie Rimskoi respubliki* [Crisis and fall of the Roman Republic]. M.: Nauka, 1965. 281 p. (in Russian).

Sharova A.V. "Revolyutsiya rabov" v uchebnykh izdaniyakh E.A. Kosminskogo 1930–1950-kh gg. ["Revolution of slaves" in the educational editions of E.A. Kosminsky 1930–1950s], in *Scripta antiqua. Voprosy drevnei istorii, filologii, iskusstva i material'noi kul'tury.* 2017. Vol. 6. Pp. 421–450 (in Russian).

Chernyshov Yu.G. "Kto byl nichem, tot stanet vsem" (k voprosu ob ideologii vosstanii rabov vo II–I vv. do n.eh.) ["Who was nothing will become everything" (to the question oft he ideology of slave revolts in the II–I centuries BC)], in *Antichnyi polis: problemy sotsial'no-politicheskoi organizatsii i ideologii antichnogo obshchestva: mezhvuzovskii sbornik* [Antique policy: problems of socio-political organization and ideology of ancient society: interuniversity collection]. St. Petersburg: Izd-vo SPBGU, 1995. Pp. 155–166 (in Russian).

Статья принята к публикации 15.04.2021